

Не все удалось и в этом спектакле: не решены до конца важные роли Варвары Петрич — Н. Герасимовой, Ивана Негрича — Ф. Радчука, Семени Негрича — С. Кошачевского. Не получил достаточно интересного воплощения и Микола Воркалюк — А. Сердюк, у которого есть только отдельные удачные сцены в начале трагедии. Можно было бы отметить еще некоторые ошибки или упущенные возможности в игре актеров и прекрасной работе постановщика Б. Норда.

Но в целом большая тема пьесы раскрывается психологически достоверно, логично и «по-галановски» резко и политически страстно.

Есть в репертуаре театра еще одна замечательная трагедия, которая также именно здесь рождалась и сейчас уже имеет свою большую сценическую историю. Это — «Гибель эскадры» А. Корнейчука, бесспорно, одно из лучших произведений советской драматургии, впервые показанное этим театром более двадцати лет тому назад.

На прошлых гастролях в Москве и на московских гастролях этого года театр показал уже четвертую редакцию спектакля, поставленного Л. Дубовиком и В. Вороновым.

Много замечательного в этом спектакле. Трудно забыть вбегающих в бывший генеральский дом, на собрание, делегатов кораблей, смертельно усталых, запыленных, оборванных фронтовиков с лаконичным донесением: «Комиссар приказал отступить. Нажимают гады». Трудно забыть и умирающего комиссара — Д. Антоновича, и озорного, звонкоголосого «хлопца» юнгу — П. Куманченко, и пляски моряков на флагманском корабле.

Но гораздо слабее запечатлелись в памяти главные герои: Гайдай — А. Сердюк и Оксана — С. Чибисова, а их диалоги, которых уже заранее ждешь с волнением, почти совсем затерялись в общем гуле спектакля.

Создавалось впечатление, что постановщики и не придавали образам Оксаны и Гайдая особого значения. Они как будто гораздо больше надеялись на виртуозные пляски моряков, на массовые сцены... А что касается третьего центрального персонажа пьесы, боцмана Бухты, который последним уходит со своего корабля, то глубокое недоумение возникло у зрителей уже при ознакомлении с «программой» спектаклей театра имени Шевченко в Москве (а это ведь в самом деле программа театра!). В этой программе мы увидели семнадцать портретов действующих лиц, в том числе и очень второстепенных. Но не было среди них Бухты, и почти незаметен был Бухта (В. Мизиненко) в самом спектакле, скорее всего по вине или даже по непостижимому «замыслу» постановщиков.

Очень бледно был сыгран артистом В. Стеценко и офицер Корн, который переходит на сторону моряков-большевиков. Как легко дается ему этот переход! И это в театре, который обычно не упрощает своей задачи! Очень ярко дуэт Фрегата и Паллады — Е. Бондаренко и Л. Быкова, ярко, но почти совсем бессодержателен.

Пляска на флагманском корабле, как мы уже отмечали, слишком растягнута, в пьесе ее, собственно говоря, и совсем нет.

И финалы.

Прежде чем потопить корабли, моряки с огромным увлечением, истоиво и упрямо, точно бросая вызов всем настоящим и будущим врагам, надраивают палубу. Корабли уйдут на дно в «чистой рубашке».

Прекрасный финал!

Корабли ушли на дно, но их знамена, засиявшие теперь новой славой, остались. Моряки понесут их с собой на все фронты, настоящие и будущие.

Прекрасный финал!

Моряки со знаменами уходят в зал, к нам, современникам. Они идут драться там, где прикажет революция.

И это прекрасный финал. Но ведь их три, и сила их неизбежно растается. Спектакль не поднимается до единого обобщения.

В этом спектакле, больше чем в каком-либо другом, сказались некоторые старые слабости этого театра, слабости, которых не должно быть следующей, пятой редакции этого спектакля. Четвертая редакция спектакля никак не может считаться окончательной. И в прошлом театр имени Шевченко много работал над классическими пьесами — русскими и украинскими. Но не раз театр, «перерабатывая» классическую пьесу, фактически ломал ее, подчинял прихотливому замыслу режиссера; это было орошо знакомое «новое прочтение» — формалистическое и бездумное. В работе над бытовыми, так называемыми «побутовыми» пьесами театр од флагом борьбы с унылой этнографичностью и самодовлеющим бытоизмом зачастую убирал из спектакля реальнейшие черты народного быта; постановка становилась насквозь условной, то есть не имеющей никакого отношения к конкретной исторической действительности. Тем более значительным кажется новый спектакль театра — «Лымеривна», драма украинского классика Панаса Мирного в постановке молодого режиссера В. Крайниченко.

Новое в творческой жизни театра сказалось раньше всего в работе над текстом этой пьесы. Даже в лучших украинских пьесах проступают иногда черты национальной ограниченности, исторически очень ясно обусловленные, но совершенно неприемлемые в наше время. Требуется некоторая работа над текстом. Но на этом основании пьесы раньше иногда переделывались и «переворачивались» до неузнаваемости.

И «Лымеривна» идет в переработанном виде. Но эта переделка продиктована желанием глубже донести идею произведения и сделать его более сценичным. В основном эта переработка была сделана еще М. К. Заньковецкой и авторизована самим Панасом Мирным. Устранены длины пьесы, композиция ее стала крепче, действеннее. Спектакль этот нигде не кажется наивным. Найдено простое, глубокое обоснование для всего, что происходит на сцене, а раз так, то можно уже чувствовать щедро, горячо, играть смело, ярко!

Страшна в своей злобе Шкандыбиха — С. Федорцева. Актриса не побоялась сделать ее невероятно страшной, напоминающей чудовищное наваждение; она полностью оправдывает свое тяжелое, подавляющее имя — Шкандыбиха.

Страшен и богатый казак Кнур — Г. Козаченко. И замечательно, что у него — «спокойная совесть». Он никуда не торопится, вкусно ест, сладко спит, он совершенно убежден в своей правоте. Он любит и петь за чаркой, и притом петь печальные песни. «С чистой совестью» этот Кнур (по-русски кабан) совершает чудовищное преступление.

Это, несомненно, очень верная, жестокая, в точном соответствии со стилем этой пьесы, и талантливая игра.

Хороша в спектакле и Л. Криницкая — вдова Лымериха. Особенно хороша очень жестокая сцена пьяного разгула Лымерихи. Во всей реалистической трактовке этой сцены можно видеть серьезный успех театра на его новом пути. Нет сомнения, что еще несколько лет назад эта же сцена приобрела бы непременно какие-нибудь фантазмагорические и символические очертания.

В центре этого спектакля стоят, конечно, Наталья — С. Чибисова и Василий Безродный — Б. Ставицкий.

Успех С. Чибисовой в этой роли бесспорен. Она любит так, что зал завидует ей, хоть она и очень несчастна. Она смела в своей любви и, конечно, ушла бы с Василием, если бы ее так подло не обманули.

Достоин этой Лымеривны Василий — Б. Ставицкий. Играет он очень